

ный портрет воронежских губных старост // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 80—82; 2) Воронежское дворянство XVII в.: Роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 14—30).

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 210. Л. 327—333.

⁷ Там же. Оп. 13. Д. 177. Л. 6—24; ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 50. Л. 1—15.

⁸ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губ. и частью Азова. Воронеж, 1852. Кн. 2. С. 44—50.

⁹ Веселовский С. Б. О привилегиях по суду откупщиков и верных сборщиков // Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 120—145.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 97. Л. 38; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1394. Л. 88.

¹¹ Например, недобор 1647/48 г. составил 324 руб. 26 алт. 4,5 д., 1648/49 г. — 240 руб. 17 алт. 4,5 д., 1649/50 г. — 205 руб. 4 алт. 2,5 д., 1650/51 г. — 367 руб. 31 алт. 1 д., 1651/52 г. — 437 руб. 1 алт. 5,5 д. + заводных денег 87 руб. 29 алт. 1 д. (см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 379. Л. 1—18).

¹² Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 295. Л. 148—150; Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губ. и частью Азова. Воронеж, 1853. Кн. 3. С. 32.

¹³ Глазьев В. Н. Откупщик против «мира»: Конфликт вокруг таможи и кабака в Воронеже в 1668—1671 гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 22—33.

Г. П. Енин

ВОЕВОДСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ ПОШЛИНА в XVII в.

Анализ различных источников выявляет получение городскими воеводами XVII в. почти всех доходов волостей и наместников XIV—XVI вв. Тщательное соблюдение воеводами традиции кормления дает основание предполагать у них и пошлинные доходы, не положенные им. Они обнаруживаются в источниках, в первую очередь обвиняющих воевод в злоупотреблениях, — в челобитных, обыскных делах, указах, грамотах и др. Неправомерные поборы сверх законных пошлин совершали и наместники, так что воеводские злоупотребления сами по себе являлись частью традиции кормления.

Отсутствие юридических оснований на сбор пошлин привело

лишь к тому, что в нерегламентированных воеводских доходах слились воедино таможенные, торговые и проезжие пошлины. Воеводам не нужно и даже небезопасно было их квалифицировать. Поскольку все они поступали воеводам в связи с обязанностями по надзору за перевозкой и реализацией товаров и перемещением людей, то допустимо объединить их под названием таможенной пошлины.

Воеводы собирали пошлинные доходы разными способами. В смутное время они самовольно восстановили сбор на себя таможенных, торговых и кабацких пошлин¹. Для периода восстановления политической и хозяйственной стабильности наглядным примером использования властных полномочий в корыстных целях служит воеводство князей Д. П. Пожарского-Лопаты и Д. Г. Гагарина в Пскове в 1628—1630 гг. По материалам обыска 1630/31 гг., они предстают кормленщиками в худшем смысле этого понятия.

Как и все городские воеводы, князья имели законное содержание, которое обеспечивало им население за счет средств, собиравшихся всегородными старостами, но не удовлетворялись им. Они установили жесткий контроль над всей ремесленно-торговой деятельностью Пскова. Их действия имели характер неприкрытого безобразного насилия. Интенсивная эксплуатация ремесленников всех специальностей, экспроприация товаров у производителей, в торговых рядах и лавках, классический «рэкет» дополнялись упорядоченной процедурой сбора пошлин. Посадские люди не могли выехать в уезд за сырьевыми товарами без личного челобитья воеводам, т. е. без обязательного денежного подношения. Торговым людям не позволялось уехать ни в пригороды, ни в другие российские города, ни в заграничные Юрьев, Ригу, Кольвань, не уплатив воеводам «по пять и по шести рублей <...>, а с иные имали и по десяти рублей»².

Кнн. Д. П. Пожарский и Д. Г. Гагарин были опытными администраторами, хорошо знакомыми с юридическими документами, определявшими их компетенцию, поэтому важно выяснить реакцию правительства на жалобы псковичей. Она оказалась типичной для подобных случаев. Хотя факт несправедливого получения личных доходов был подтвержден, репрессивных мер не последовало. Избежать их помог большой опыт административной службы. Воеводская пошлина взималась «опричь государевых пошлин», т. е. пошлины поступали в казну исправно и воеводы не причинили ущерба интересам государства. В таких случаях в Москве предпочитали не обращать внимания на злоупотребления воевод.

Показания псковичей нисколько не повредили карьере князей. Через год по завершении воеводства в Пскове кн. Д. П. Пожарский ока-

зался вторым судьей в «Приказе приказных дел, что на сильных людей челом бьют». В следующем году, став боярином, он возглавил и этот приказ, и «Приказ сбора даточных людей», т. е. сам стал членом правительства. Кн. Д. Г. Гагарин получил через 4 года воеводство в Сургуте³.

Воеводство кнн. Пожарского-Лопаты и Гагарина раскрывает поведение потомственных кормленщиков, не желавших мириться с утратой традиционных доходов и равнявшихся на тех, кто получал, подобно наместникам, пожалования на пошлинные сборы. Например, в 1678 г. кн. К. М. Черкасский был пожалован за чигиринский поход «терским таможенным сбором пошлинными денгами владеть по свою смерть»⁴. Действия князей определяли сословный менталитет занимавших высокое место в чиновной иерархии аристократов, обширные властные полномочия и возможности крупных феодалов, располагавших необходимой для политики насильственного кормления многолюдной дворней. Еще важнее было покровительственное отношение к их незаконным поборам правительства.

Кормление думного дворянина И. Ф. Еропкина с сыном стольником Автомоном в Калуге в 1659—1660 гг., известное тоже по сыскному делу, во многом повторяет кормление псковских воевод тридцатилетней давности. Поведение отца и сына Еропкиных не менее, если не более, агрессивно и бесстрашно во всем, что касалось личных доходов. Они также посадских людей «в уезд для промыслов безьявочно и безо взятка не пускают», требуя всякий раз от одного до трех рублей. Заметное отличие в их действиях наблюдается в связи с возросшим значением Калуги в транзите соли и хлеба. Уяснив открывающиеся в связи с этим возможности, воевода с сыном установили прежде всего твердое правило, согласно которому разгрузка судов производилась только с их личного разрешения. Обращения к ним с челобитьем о разгрузке каждого судна автоматически приносили солидный доход, так как без «почести» они были немислимы. Однако для Еропкиных данные обращения служили лишь поводом к вымогательству. Так, пригнавший из Нижнего Новгорода струг с солью человек пришел с белугой стоимостью в рубль, но оказался в тюрьме, откуда был выпущен после того, как отдал 5 руб.

Весьма эффективным оказался другой способ, когда Еропкины просто закрыли соляные амбары. Явившихся с челобитьем просителей-прасолов воевода тоже отправил в тюрьму. За свое освобождение прасолам пришлось заплатить 8 руб.

В поборках думного дворянина и стольника с судов, уходивших из Калуги и приходивших в город, наблюдается даже некоторая такси-

ровка. «В украинные города» они пропускали суда с солью и рыбой после получения взятки в 5 руб. «и болши». За струг с хлебом, пришедший в Калугу, воевода брал от 0,5 до 1 руб., а отпускал такой струг в Москву за 2 руб.⁵ В сущности, Еропкины имели собственную таможенную заставу.

Думный дворянин был одним из опытнейших администраторов своего времени. Его карьера была почти непрерывно связана с управлением уездами. С 1619 г. он получал воеводство 11 раз — редчайший случай в XVII в. Стольник Автомон приехал в Калугу «для старости отца своего» после второго воеводства, едва сдав дела в Карпове⁶. Богатейшим совместным опытом управления и кормления отец и сын Еропкины умело воспользовались в Калуге. Их явные злоупотребления не вызвали особых нареканий в центре, ибо вымогали и принимали взятки они всегда без свидетелей, удаляя даже дворовых людей, а задержки судов объяснили добросовестным выполнением полицейско-фискальных обязанностей — поиском беглых и проверкой грузов. И то, и другое могло вызвать в правительстве только одобрение. Воеводы обязаны были задерживать беглых людей, «для подлинного сыску» которых 15 февраля 1658 г. направлялись сыщики на Волгу, «во все понизовые города и по черте, и за черту»⁷. А сменившему Еропкиных в Калуге кн. Н. Я. Львову грамота от 16 октября 1660 г. предписывала руководить таможенной политикой, направляя хлеб только в Москву и не допуская перекупщиков в Калужский и соседние уезды. Этот приказ открывал еще большие перспективы перед воеводой для получения таможенной пошлины⁸.

Обозначенный в наказах и грамотах статус блюстителей казенного интереса открывал воеводам, в сущности, безопасный источник незаконных доходов. Обязанные пресекать махинации таможенных голов и купцов при провозе, обмере, оценке товаров, воеводы активно «корыстовались» при этом, но в свете вскрываемых ими злоупотреблений их прегрешения становились незначительными для московских властей, хотя пошлинные доходы воевод могли составлять сотни рублей⁹. Негативная реакция из центра в отношении воевод проявлялась лишь в чрезвычайных случаях, как в 1698 г., когда по челобитью богатейшего человека России Г. Д. Строганова была ликвидирована давно существовавшая сеть воеводских личных застав у Юрьевца-Повольского, Муромы, Елатьмы, Серпухова, Тарусы, Касимова, Алексина, Калуги, Перемышля, Лихвина, Мценска, Белева, Каширы, Орла, как на Оке, так и на сухих путях. Воеводы не только сами собирали, как наместники в свое время, незаконную таможенную пошлину, но даже отдавали заставы на откуп¹⁰.

Должны были воеводы контролировать также кабацких целовальников и «уговорщиков» при производстве и продаже вина и пива, следить, чтобы «в пиво и мед квасу не прибавляли и питухом давали чарки полные и пенным бы питьем <...> не корыстовались», не допускать конкурентной продажи вина частными производителями¹¹. Контроль за всегда весьма доходной на Руси областью экономики приносила воеводам прибыль и в XVII, и в XVIII вв., возможно, не уступавшую доходам наместников на кормлении «с корчмой». Источники сообщают о получении воеводами мзды от кабацких целовальников и о продаже воеводского вина в государевых кабаках¹².

Обладание функциями контроля над перемещением товаров и людей обеспечивало воеводам получение пошлинных доходов и без прямого насилия. Подношение городовым воеводам «почестей» было неписаным правилом, необходимым условием успешного провоза грузов и проезда людей, несоблюдение которого было чревато большими неприятностями. Стремясь избежать их, владельцы товаров предусматривали затраты на воеводские «почести» заранее, как это делал ответственный за транспортировку монастырской соли старец Кандалакшского монастыря Герасим.

Согласно приходу-расходной книге 1681/82 г., отправляясь из Вологды за солью, старец закупил «5 четвертей лука вологоцкого», 21 «тысячу чеснока», 10000 огурцов, «26 гряд капусты», и все это «отнесли вниз плувучи дощаниками по городом на том Устюге Великом, на Колмогорах начальным людем», в первую очередь воеводам. «Вверх идучи» с солью, старец Герасим закупил 19 пудов «семги свежие», которую «отнесли в почесть» тем же «начальным людем» в Устюге, Тотье и Вологде, добавив пирогов, хлебных ковриг и «по малому кульку соли весом по 6 и по 5, и по 4 пуда». В конце книги старец внес запись и о денежных «почестях»: «Да всем годом на праздники Христовы, на Рождество и на Велик день, и с приходу, и на поплав, как дощаниками с Вологды вниз поплываем, и назад к Вологде приходим, и в судовом пути на городех <...> розошлось в почесть <...> воеводам и дяком, и дворовым их людем <...> денгами 11 рублев»¹³. Таким образом, на Севере тоже существовала сеть воеводских пунктов таможенного сбора.

Такая форма взаимоотношений обеспечивала воеводам таможенную пошлину, замаскированную под добровольные «почести» и потому составлявшую легальный доход.

Еще один источник легального дохода, возмещавшего наместничьи пошлины, открывал воеводам надзор за таможенной и ямской службами. Таможенным головам, например, приходилось давать вое-

водам крупные взятки за невмешательство, когда по тем или иным причинам они испытывали трудности в исправном ведении «государева дела». В Устюге Петр Потоцкий получил в октябре 1665 г. 20 руб. в связи с задержкой «государевой винной казны» до весны из-за обмеления и замерзания Сухоны, а в декабре новому воеводе кн. Г. М. Мышецкому было дано 50 руб. «для обереженья» «от того», что «на питейные казны на окутку вместо овчины и войлоков взяли сено и рогожи».

Воеводы легко согласились покрывать голову таможенного и кружечного дворов Ивана Ходутина не только из-за очень больших взяток. Их покровительство было продиктовано его с ямским старостой постоянными дорогостоящими подношениями по всем торжественным случаям на воеводском дворе.

Многочисленные праздничные «почести» от этих государственно-земских администраторов представляли собой постоянный воеводский доход, на порядок превосходящий по стоимости праздничные кормы от всеуездных и посадских старост. Так, на день ангела царя 17 марта 1666 г. получил кн. Г. М. Мышецкий от Ивана Ходутина и ямского старосты Ивана Федорова «почесть» деньгами, тканями и соболями на сумму в 32 руб. 10 алт. Всеуездный староста Андрей Марков истратил на воеводу в тот день 3,5 руб.

Необходимость поддерживать с воеводой хорошие отношения, добиваться его расположения заставляла приходиться к нему с «почестями» голову таможенного и кружечного дворов и ямского старосту в том же Устюге на каждый праздник и после указа 1677 г. о запрете носить воеводам «поминки». Их «поносы» также стоили дороже «почестей» земских старост. Например, поздравление с Новым годом стольника А. П. Еропкина обошлось всеуездному старосте Петру Хомякову 1 сентября 1676 г. в 1 руб. 17 алт. 1 сентября 1678 г. поздравили с тем же праздником того же воеводу голова таможенного и кружечного дворов Демид Кожевников и ямской староста Иван Козинников: «И всего в том поносе вышло восемь рублев пятнатцать алтын».

Исдержечные «почесные» книги таможенных голов и ямских старост говорят о весьма большом их вкладе в праздничное кормление воевод. В 1665/66 г. воеводский доход от головы таможенного и кружечного дворов и ямского старосты превысил 200 руб. Вместе с платежами по конкретным случаям они и составили сумму в 400 руб., которую голова и ямской староста «для скудости мирской займовали <...> в кабалу Соли Вычегоцкой у Семена Протопопова»¹⁴.

Таким образом, традиция наместничьего кормления сохранилась и в пошлинных доходах воевод. Хотя часть их имела легальный харак-

тер, преимущественную долю доходов воеводы собирали путем злоупотреблений.

Незаконные пошленные поборы совершали практически все воеводы, и об этом было известно правительству. Правительство лишь имитировало борьбу с воеводскими таможенными поборами, изредка наказывая особенно злостных корыстолюбцев, но, как правило, тут же прощая их. Оно не могло покончить с воеводскими злоупотреблениями по объективным причинам, и дело не только в недостаточных финансовых возможностях государства.

Воеводская должность являлась привилегией правящего сословия. Смысл привилегии заключался в получении доходов на государственной службе за счет управляемого населения, т. е. в кормлении. Кормление обеспечивало рентный доход феодалам, входившим в систему управления. Правительство во главе с монархом направляло на воеводства по просьбам челобитчиков «покормитца», «подкормитца». Более того, составлявшие правительство люди: бояре, окольничие, думные дворяне, дьяки — тоже выезжали на воеводство и тоже «кормились», в том числе за счет незаконных пошленных доходов. Трудно представить, что они могли всерьез наказывать сами себя, своих детей, родственников, тоже призываемых на воеводскую службу, на которой они всегда осознавали себя кормленщиками и тщательно берегли традицию кормления во всей полноте.

Сословно-покровительственная политика феодального государства, противоречивость законодательства, явная или скрытая, вытекали из объективной необходимости сохранять в качестве законного способа оплаты административной службы кормление, которому всегда было имманентно свойственно сочетание легальных и незаконных методов получения доходов.

Примечания

¹ Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 3 («Приговор» земского собора Первого ополчения 1611 года, июня 30. Статья 20).

² Следственное дело о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском во время бытности его воеводою во Пскове // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 1. Смесь. С. 1—179.

³ *Богоявленский С. К.* Приказные суды XVII века. М.; Л., 1946. С. 132, 153; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления XVII столетия. СПб., 1902. С. 221, 460.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 743; ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. № 51.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 325. Л. 700—746.

⁶ *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 476—477.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 743; ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. № 51.

⁸ ПСЗРИ. Т. 1. № 284.

⁹ *Преображенский А. А.* Русское купечество XVII века: Социальный облик, самосознание // Купечество в России: XV—первая половина XIX века: Сб. ст. М., 1997. С. 63—64.

¹⁰ *Кизеветтер А. А.* Заградительные отряды XVII века // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 314—322.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 285; *Преображенский А. А.* Русское купечество XVII века... С. 64.

¹² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. № 291. Ч. 3. Л. 1063; Приказный стол. № 276. Л. 18, 26, 51.

¹³ РНБ. Q.IV.364. Л. 25—63.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. 1665. № 100. Л. 1—21 об.; Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 206-а. Л. 1—114; Оп. 2. № 42. Л. 1—215; № 210. Л. 1—25; № 343. Л. 1—8.

Л. А. Тимошина

ВОЕВОДСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. (на примере городов Устюжской четверти)

Проблемы центрального и местного управления XVII в. давно и прочно занимают одно из основных мест в отечественной историографии. В отношении русских городов этого периода наиболее интересными и вместе с тем дискуссионными являются вопросы определения места в системе городского управления различных ветвей власти — воеводской, земской, таможенной, духовной в сочетании с различной ведомственной подчиненностью отдельных категорий городского населения.

Не пытаясь рассмотреть весь этот сложный комплекс вопросов, остановимся на проблеме соотношения воеводского и таможенного управления. В существующей историографии эта проблема трактуется неоднозначно, и мнения историков по поводу прерогатив власти воевод и таможенных голов в городах расходятся: одни отмечают независимое положение таможенных изб от воевод и запрещают последним вмешиваться в их деятельность¹, другие отрицают возможность самостоятельного функционирования лиц таможенного управления², третьи занимают промежуточную, подчас внутренне противоречивую, пози-